

XXXII. В САРАТОВЕ

Более пяти лет пробыл Чернышевский в астраханской неволе. За это время родные Николая Гавриловича не переставали хлопотать о переводе его в Москву или в Петербург, где ему легче было бы заниматься литературным трудом. Однако просьбы их оставались безрезультатными. Но в середине 1889 года удалось добиться разрешения на переезд в Саратов.

Незадолго до отъезда на родину Чернышевский в разговоре с издателем Пантелеевым, посетившим его в Астрахани, говорил:

— Для меня решительно все равно, что Саратов, что Астрахань, но Ольге Сократовне, конечно, было бы приятнее жить в Саратове. Мне лично хотелось бы перебраться в университетский город, чтобы под рукою была большая библиотека; другого мне ничего не надо.

Говоря об университетском городе, Чернышевский имел в виду Москву. Желание его переселиться сюда было связано с замыслом постепенно вернуть себе журнальную трибуну, взять в свои руки редактирование журнала «Русская мысль».

В то время как пришло известие о разрешении переехать в Саратов, Чернышевский жил в Астрахани

один: сыновья были в Петербурге, а Ольга Сократовна гостила у саратовских родственников. С помощью квартирохозяев, своего секретаря Федорова и прислуги Николай Гаврилович отправил пароходом необходимое имущество и 24 июня выехал в Саратов в сопровождении полицейского чиновника. Юный секретарь Николая Гавриловича успел так полюбить его, что с радостью согласился на предложение переселиться в Саратов.

Двадцать восемь лет прошло с тех пор, как Чернышевский в последний раз приезжал гостить в родной город. Многие изменилось здесь за это время. В дни его юности торговая жизнь Саратова еще только начинала по-настоящему развиваться. Теперь по всему берегу Волги тянулись пристани пароходных компаний. Многие улицы, прежде зараставшие травой, были вымощены. Выросло много новых зданий, в городе появилась конка, железная дорога соединила Саратов с Москвой и Петербургом. Неизменными остались только полуразвалившиеся лачуги на окраинах, где ютилась нещадно эксплуатируемая городская беднота.

Дом Чернышевских в Саратове был сдан в это время внаем. Квартиру в нем занимал близкий знакомый Пыпиных и Ольги Сократовны присяжный поверенный Токарский. Они не пожелали отказать ему в квартире до окончания контракта, и потому Ольга Сократовна еще до приезда Николая Гавриловича сняла квартиру на Соборной улице, в двухэтажном домике Никольского.

На следующий день по приезде в Саратов Николай Гаврилович посетил родной дом, в котором прошли его детство и юношеские годы. Обойдя двор, он прошел к Токарскому и, протянув ему руку, сказал: «Чернышевский». Это вышло у него так просто и непосред-

ственно, что Токарский, заранее готовившийся встретить Николая Гавриловича словами: «Привет дорогому учителю», сразу почувствовал ненужность пышного приветствия и так же просто назвал свою фамилию.

Они вышли вместе, направляясь к дому, где поселились Чернышевские. По дороге Николай Гаврилович оживленно говорил о прошлом Саратова, узнавал дома, которые были еще при нем, называл имена их хозяев.

Прощаясь с Токарским, Чернышевский сказал ему, что намеревается здесь много работать, что время свое распределил по расписанию, назначив для отдыха вечерние часы от семи до девяти, и пригласил его заходить почаще.

Близко общаясь с Николаем Гавриловичем и часто беседуя с ним на различные темы, Токарский вынес впечатление, что ссылка, расшатав здоровье Николая Гавриловича, нисколько не ослабила ни его могучего ума, ни нравственного склада. Чернышевский остался непререкаемо верен своим прежним убеждениям, ни на иоту не проявляя разномыслия с тем, о чем писал в своих статьях в «Современнике».

Он часто говорил Токарскому о своем заветном желании — вернуться к боевой журнальной деятельности.

«Эта мысль его настолько интересовала, что он постоянно к ней возвращался. Как-то, сидя в углу дивана, Николай Гаврилович рассказывал своим эпически-спокойным тоном о Григоровиче, но вдруг прервал рассказ, встал и, ходя крупными шагами по комнате, сказал: «Я вам говорил как-то, что предполагал эмигрировать и взять в руки издание «Колокола» и что я не знаю, хорошо ли я сделал, что отказался.

Теперь я знаю. Я сделал хорошо, я здесь, в России, создам журнал. Я создам его». И тут только я понял страшную, невыносимую муку этого человека, ту муку, которую он выносил от того, что был оторван от возможности влиять на жизнь своим словом и убеждением..

Когда он готовился взять в свои руки «Русскую мысль», он бывало говорил: «Первое время я буду писать очень мало и под чужим именем. Я официально не войду в редакцию. Я не буду писать по текущим вопросам. Знаете, к себе нужно приучить». И иногда в разговоре у него вырывались фразы, что во второй раз труднее начинать литератору, чем в первый, что за всяким словом будет следить цензура. «Ну, да не такая была прежде цензура, а удавалось обходить», — прибавлял он успокоительно.

Таковы были задачи, стремления и цели последней саратовской эпохи жизни Николая Гавриловича.

Но могло ли осуществиться намерение Чернышевского, о котором говорит здесь мемуарист? Время показало, что надеждам этим не суждено было сбыться, если бы даже преждевременная смерть не оборвала деятельность Чернышевского. Либеральные публицисты, руководившие «Русской мыслью», В. Гольцев и В. Лавров, более на словах, чем на деле, проявляли готовность предоставить ему журнальную трибуну.

Незадолго до смерти Чернышевский подчеркнул это в одном из писем; он окончательно убедился, что не годится в сотрудники журнала, имеющего узкий взгляд на вещи.

Вскоре по приезде на родину Николай Гаврилович познакомился с сотрудником местной газеты «Саратовский листок» Горизонтовым. Тот рассказал ему, между прочим, что в шестидесятых годах был изгнан

из семинарии за вольномыслие и за чтение романа «Что делать?».

На вопрос Горизонтова, почему он не сотрудничает в журналах, Николай Гаврилович ответил, что разноречивой и отсутствием ясной программы и целенаправленности в современных журналах глубоко чужды ему, и добавил, что лучше уж он будет писать в местной газете о саратовской старине и о будущем города Саратова.

— Но, конечно, не под своим именем, чтобы не было неприятностей ни мне, ни вам.

Когда речь зашла о современных писателях, Николай Гаврилович особо выделил Короленко, предвещая ему блестящую будущность. Чернышевскому был близок демократический характер творчества и гуманизм этого прогрессивного писателя, сурово обличавшего общественные порядки царской России.

Еще в Астрахани Николай Гаврилович, прочитав рассказ Короленко «Сон Макара», дивился той верности, с которой Короленко так мастерски нарисовал портрет якута. «Написать так мог только талантливый человек, хорошо изучивший быт и душу якутов», — говорил он.

Личное знакомство писателей, переживших почти одновременно тяжелую сибирскую ссылку, произошло 18 августа. Короленко, возвращаясь с Кавказа, заехал в Саратов с целью повидать Чернышевского. Он описал потом это памятное событие, запечатлев в проникновенном очерке живые черты своего великого современника. На первый взгляд фигура Чернышевского показалась ему совсем молодой. «Но когда я взглянул ему в лицо, — вспоминал Короленко, — у меня как-то сжалось сердце: таким это лицо показалось мне истрадавшимся и изможденным под этой прекрасной моло-

дой шевелюрой. В сущности, он был похож на портрет, только черты его, мужественные на карточке, были теперь мельче, миниатюрнее, — по ним прошло много морщин, и цвет этого лица был почти землястый. Это желтая лихорадка, захваченная в Астрахани, уже делала свое быстрое, губительное дело.. Из холодов Якутска Чернышевский приехал в знойную Астрахань здоровым. Мой брат видел его там таким, каков он на портрете. Из Астрахани он переехал в Саратов уже таким, каким мы его увидали, с землястым цветом лица, с жестоким недугом в крови, который уже вел его к могиле.

Это чувство внезапного и какого-то острого сожаления возвращалось ко мне несколько раз в течение разговора, который завязался у нас как-то сразу, точно мы были с Николаем Гавриловичем родные, свидевшиеся после долгой разлуки.

Он говорил оживленно и даже весело. Он всегда отлично владел собою, и если страдал, — а мог ли он не страдать очень жестоко, — то всегда страдал гордо, один, ни с кем не делясь своей горечью».

Беседуя с ним, Владимир Галактионович удивлялся, что в основных своих взглядах Чернышевский «остался тем же революционером в области мысли, со всеми прежними приемами умственной борьбы».

Перед отъездом из Саратова Короленко зашел проститься с Николаем Гавриловичем. «Поздним вечером Чернышевский проводил меня до ворот, — писал он, — мы обнялись на прощанье, и я не подозревал, что обнимаю его в последний раз...»

Несмотря на ухудшающееся здоровье, Николай Гаврилович попрежнему усиленно и много работал. Перевод «Всеобщей истории» подходил к концу. Он намеревался, завершив этот труд, написать две полу-

лярные книги, доступные самым широким слоям читателей — одну по политической экономии, другую по истории.

Мысли его часто возвращались к бурной и славной эпохе шестидесятых годов, когда рядом с ним в «Современнике» рука об руку работали его ближайшие друзья и единомышленники — Некрасов и Добролюбов. Николай Гаврилович свято чтит их память. Зная, как важна для будущего история жизни и творчества этих великих деятелей русской культуры и освободительного движения, он хотел передать следующим поколениям все, что помнил о своих соратниках.

Он стремился завершить подготовку материалов для жизнеописания Добролюбова, считая, что по ним можно будет создать одну из замечательнейших книг, которая поможет юношеству вырабатывать характер, твердый взгляд, последовательность в поступках.

Теперь написание этой книги облегчалось, потому что Пыпин и Антонович возвратили Николаю Гавриловичу сохраненные ими бумаги, письма и дневники Добролюбова, над которыми он работал перед своим арестом, публикуя в «Современнике» «Материалы для биографии Добролюбова».

Кроме того, Чернышевский вступил в переписку с родственниками и друзьями Николая Александровича, прося их прислать документы и воспоминания о нем. Ольга Сократовна деятельно помогала мужу в этой работе; она сама поехала в Нижний Новгород, на родину Добролюбова, чтобы получить здесь необходимые материалы.

В ту пору еще была жива свидетельница расцвета «Современника» — Авдотья Яковлевна Панаева. Когда Чернышевскому стало известно, что она готовит к отдельному изданию свои мемуары, он выразил желание

не только содействовать ей в этом перед издателями, но и дополнить ее книгу приложением своих воспоминаний.

За долгие годы тюрьмы и ссылки в сердце Чернышевского не потускнело чувство глубокой любви к Некрасову. Однажды Николай Гаврилович забрел с поэтом Н. А. Пановым в Барыкинский сад на берегу Волги. Сидя здесь за чайным столиком, они разговорились о прошлом. «Когда зашла речь о «Современнике», — вспоминает Панов, — он глубоко вздохнул и несколько минут сидел молча, как будто в это время воскресало его славное былое. Про Некрасова, как поэта и человека, он сказал следующее: «Его не все из нас понимали и любили, но он-то видел нас насквозь и, ох, как понимал. Зоркое око имел покойный и был подчас немножко строптив; да ведь надо знать — что пережил... не легче, пожалуй, моей каторги. А поэт был большой, как Пушкин, как Лермонтов. Только жаль, не пройти ему теперь в народ, не пройти... Интеллигенция, молодежь его любит, многие почти наизусть знают; но кое-кто поохладел, забывать начинают. Не беда: после оценят, да еще как. Памятник ему в Петербурге поставят, не хуже, может быть, Пушкинского в Москве. И стоит он такого памятника, заслужил... На-днях я перечитал его ст доски до доски... Неотразим! Взять хотя бы «Последние песни». Он ведь только о себе, о своих страданиях поет, но какая сила, какой огонь!..»

Николай Гаврилович надеялся, что со временем ему удастся написать книгу о жизни своего любимого поэта. Но это его намерение, как и многие другие научно-литературные планы последнего периода, остались неосуществленными. Только четыре месяца прожил он в родном городе. В октябре он захворал, простудившись по дороге на почту. Болезнь сразу осложнилась,

и в ночь на 17 (29) октября 1889 года он скончался от кровоизлияния в мозг.

Весть о смерти великого писателя-революционера и ученого всколыхнула все передовое русское общество. Несмотря на предупредительные меры, предпринятые жандармами, похороны Чернышевского вылились в широкую демонстрацию. Тысячные толпы народа следовали за гробом, утопавшим в цветах и лентах венков, привезенных делегациями из различных городов. Со всех концов России в Саратов шли телеграммы и письма с выражением глубокой скорби по поводу тяжелой утраты.

Наследие, оставленное Чернышевским, поражает своим богатством и разнообразием: литературная критика и философия, история и политическая экономия, языкознание и беллетристика... Но дело не только в многогранности дарований и разносторонности интересов Чернышевского. Еще более поразительна действенная сила его революционных идей, претворенных в жизнь ходом исторического развития нашей родины. Недаром гениальным провидцем назвал Чернышевского В. И. Ленин. Его идеи воспитали целые поколения революционеров, подготовили почву для восприятия марксизма-ленинизма, оказали огромное влияние на развитие культуры и науки нашей страны.

Отмечая в мае месяце 1954 года 300-летие воссоединения Украины с Россией, юбилейная сессия Верховного Совета РСФСР особо подчеркнула в своем обращении к великому украинскому народу, что «русские революционные демократы — Белинский, Чернышевский и другие — находили живейший отклик и действительную поддержку со стороны таких выдающихся

представителей украинского народа, как великий поэт и мыслитель Т. Г. Шевченко».

Талантливейшие представители науки и искусства Украины, Грузии, Армении, Осетии, Казахстана — Марко Вовчок, Иван Франко, Ахакий Церетели, Микаэль Налбандян, Коста Хетагуров, Абай Кунанбаев и Чокан Валиханов — все они испытали на себе благотворное влияние великих идей Чернышевского.

Они получили широкий отклик не только в своем отечестве, но и за рубежом. Передовые деятели западноевропейской общественной мысли и литературы с благодарностью хранили заветы мужественного борца за свободу.

С особым сочувствием демократические традиции вождя освободительного движения шестидесятых годов были восприняты в братских славянских странах.

По словам болгарского ученого Г. Бокалова, «прежде чем взяться за Маркса, болгарские социалисты уже знали Чернышевского. Это поколение, начав с Чернышевского, приходило к марксизму, сохраняя горячую любовь к своему учителю».

Основатель марксистской революционной партии в Болгарии Д. Благоев в книге «Наши апостолы» (1886 г.) называет Чернышевского в числе любимых своих авторов наряду с Марксом и Плехановым. Выдающиеся болгарские писатели — Христо Ботев, Л. Каравелов, Иван Вазов — относились к Чернышевскому с признательностью и любовью.

Свою книгу очерков «Памятник народного быта болгар», вышедшую в Москве в 1861 году, Л. Каравелов братски посвятил «тем русским людям, сердцу которых близко великое дело славянской свободы». Говоря так, он имел в виду прежде всего Чернышевского и Добролюбова.

Встреча Н. Г. Чернышевского с женой и с В. Н. Пыпиной в Саратове.
(Рис. художника А. В. Моравова.)

Н. Г. Чернышевский в Астрахани. (Рис. художника В. Н. Сигорского.)

Хрисго Ботев, испытавший на себе сильное воздействие романа «Что делать?», указывал, что такие писатели, как Чернышевский, готовят свою деятельность лучше для русского общества.

Видный организатор революционно-демократического движения в Сербии, автор ряда философских и критических работ, Светозар Маркович писал: «Среди сербского народа мы должны быть тем, чем Чернышевский, Добролюбов и другие были среди русского народа».

В своем трактате «Реальность в поэзии» Светозар Маркович опирался на принципы революционно-материалистической эстетики, разработанные Чернышевским в «Эстетических отношениях искусства к действительности».

Он прямо указывал на роман «Что делать?» как на образец реалистического романа

Экономические взгляды Светозара Марковича сложились под непосредственным влиянием трудов Чернышевского по политической экономии. В одном из своих писем он высказал намерение «по Чернышевскому выработать социалистическую политическую экономию». В своей работе «Принципы народной экономики или наука о народном благосостоянии» он изложил экономические взгляды великого русского революционного демократа.

В статье, посвященной памяти этого выдающегося сербского революционера, его друг и соратник Тодорович назвал его достойным учеником своего великого учителя

Когда в 1870 году распространились ошибочные слухи о смерти Чернышевского, редакция сербского журнала «Матица» писала: «Это был человек! Такие люди нужны и русским, и нам, остальным славянам,

чтобы и мы, наконец, поднялись на поверхность истории».

Чернышевский с юных лет убежденно верил в будущую победу революции и посвятил всю свою жизнь приближению этой победы, хотя и понимал, что сам он не увидит дня и часа торжества ее,

Кроме великого ума, кроме трудолюбия и разносторонних знаний, нужны были еще целеустремленность и неугасимая вера Чернышевского, чтобы выполнить свое историческое призвание. Нужно было то «идеальное благородство характера», то самоотречение, какое он находил в своем предшественнике и учителе — Белинском.

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть...

Эта страсть — служение родине, своему народу, будущему.

Огромное чувство гордости за русскую культуру испытывает всякий из нас, обозревая все многообразие содержания трудов великого революционного демократа, замечательного писателя и ученого. Чернышевский был пролагателем новых путей в науке и в литературе и вместе с тем непримиримым борцом против деспотизма. Вся жизнь его была отдана делу освобождения России от ига самодержавия и крепостничества. Никакие испытания не могли сломить непреклонную волю великого патриота.

«Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожеленнее этого?» — писал Чернышевский. В основе всей его политической, литературной и научной деятельности лежала пламенная любовь к народу, вера в его неисчерпаемые силы, в светлое будущее России.

Великая Октябрьская социалистическая революция неузнаваемо преобразила облик нашей страны, воплотив в жизнь чаяния и надежды ее лучших сынов. Советский народ, уверенно идущий к коммунизму под руководством славной Коммунистической партии, свято чтит память предшественника научного социализма в России, пламенного борца и замечательного писателя Николая Гавриловича Чернышевского.

